

БОРИС ИХЛОВ

ИЗБРАННОЕ

Мне снились вьюги в спальне тесной
И колдовали на бегу,
Что утром радостным воскресным
Проснусь - деревья все в снегу.

1969

Сегодня утром мелкий снег
Сквозь ветки сыпал голубые.
Гвоздики. Лозунги. Россия.
И ты опять приснилась мне.

1971

ЛЮБА

Ты помнишь серый день, такой печальный,
Сирень звенела музыкой хрустальной,
Дожди, твои подруги, голос мамы.
Какое горе приключилось с нами.

Ты помнишь запах хвои, день прощальный,
Сирень звучала музыкой венчальной,
Прошли дожди у нас над головами,
Сырой песок темнел в оконной раме.

1977

Лишь злоба руки согревала.
В ту ночь гроза, как зверь, рычала,
И холод яростный металла
С весла отчаянье метало.

Уже не вырваться с колен.
На губы, все еще живые,
Легла навечно, как Россия,
Улыбки судорожной тень.

Но шаг за шагом, как в пустыне,
Работа радости отнимет,
И ночь покажется чужой,
И утро голову поднимет,
Как будто пес сторожевой.

Усьва, 1979

Когда на долгом километре
Чужие руки не согрели,
О, как вы весело запели,
Родные северные ветры.

Тогда бездомная страна
Приткнулась в лающем вокзале,
Где мусора по временам
Бичей на холод прогоняли.

Неужто в снах твоих зарыт
Новочеркасск? Ты слышишь, стерва,
Как ветер северный свистит
В твоих, Москва, коробках серых.

1979

Весь день качает колыбель
В ушах горячего шума.
Как больно думать о тебе.
Как страшно о тебе не думать.

1980

КАРТИНА ВАСИЛЬЕВА

Озера ладонь у края леса ледяная,
Ветер стаи туч над лесом собирает.
Белая осень, белая осень, белая осень на полях.

Стаи туч на сером небе мглистом,
Солнце глубоко под серой кистью,
Будто под снегом спрятано небо, спрятано в старых ковылях.

Утро, белое утро.

1982

Случайно встанет нотной строкой
Над Ленинградом пасмурная скука.
Мне все стихи и вся моя наука -
Часы, не проведенные с тобой.

1982

Пока дожди сквозь сито моросили,
Напрасно три мгновения коротких
Нас перед боем всех объединили.
Зачем же песня судорогой в глотке?
Затем, что Ты пока живешь на свете.

Текут сквозь сито миллиардолетья.

Пока дожди сквозь сито моросили,
Пока снега баюкали невзгоду,
Под песни девятнадцатого года
Солдаты грязь осеннюю месили.

Предчувствие любви не обмануло,
Но я не жил и человеком не был,
Пока однажды в холод не мелькнуло
Мне счастье черствой корочкою хлеба.

1983

О чем ты думаешь ночами,
Когда седые облака
На юг проносятся над нами
И осень стылая близка.

Привычно-серыми тонами
Дожди проходят между нами,
И пролегает снегопад
Промозглым утром. За окном
Встает размытое пятно -
В моем дворе осенний сад.

Ты помнишь небо из окна
И запах красок акварельных.
Как безнадежно постарели
Привычно-серые тона.

Неясной сеткою ветвей,
Апрельским солнцем над домами
Оборотись. Мы снова здесь,
Пустынный город перед нами,

Ты не найдешь былых друзей,
Им нет до нас с тобою дела.
Лишь лес знакомых тополей,
Да ветви в изморози белой.

О чем ты думаешь ночами,
Когда седые облака
На юг проносятся над нами,
И осень стылая близка.

О чем ты думаешь ночами,
Когда что осень, что весна,
И все, что было между нами -
Привычно-серые тона.

1984

Кто здесь рядом? Откликнитесь! Дни сочтены.
Два-четыре часа - это отдых, и все же
Мы самими собой оставаться должны.
Смерть все круче, а жизнь, как равнина, положе.

Содрогнулись кумиры в высотах пустых,
Им с рожденья ходить по земле не пристало.
Золотыми глазами глядят с высоты
И, накренившись, гулко летят с пьедесталов.

Как заходятся в песнях поэты седые,
И какие теперь откровенья настали.
Вековая твоя племенная гордыня
Белой сахарной пудрой летит из развалин.

Я хотел, чтобы руки касались мои
Клавиш черных и белых любви и печали.
Я хотел, чтобы белые краски мои,
Будто хмурое утро, на черном лежали.

А досталась забота и злая земля,
Счастье ждет у подножья сизифовым камнем,
Только солнце в крови, только губы в цементе,
А руками - зажать на морозе железо.

Я по-прежнему твой, и с ума не сойду,
Не уеду по всеми избранной дороге,
Только я предпочту страх в последнем бреду
Старой ласковой сказке о господе боге.

Москва, 1984

В синем небе - золотые купола.
Лишь на память, Лена, что ты, что ты.
Под ногами крошка битого стекла
По утрам от дома до работы.

1985

Завтра - в гору, Сизиф!
Завтра - поздняя осень.
Над растоптанной мерзлой землей
Пыльный ветер пахнет.
Сердце падает вниз,
Что твой камень гремит по откосу.

1986

И выпадет час, и, собрав все причины,
Столкнут с колеи и улягутся вьюги.

И долго, шатаясь, петляет волчина
Все дальше, вперед, по тяжелому снегу.

Под утро приснится, что не было слуха,
Что сил на надежду осталось негусто,
Что смотрит на руку гадалка-старуха
И шепчет на ухо: "Проснись в Фамагусте".

Но только у клавишей пальцы застынут,
Как снова по снегу, по рыхлому снегу,
И дальше, все дальше, по ржавой равнине,
По милому, яркому, талому снегу.

Прости мне, что бледною краской рисую,
Что это вздох, невзаправду, неряшливо.
А ритмы - как в детстве избитые рифмы,
Наутро покажутся бредом вчерашним.

Бессмысленной ржавчиной станет равнина,
И если на все существует награда,
Как вору пригрезится жизнь без обмана,
Так мне перед смертью пригрезится правда.

Бессмысленно долго душа на изломе,
Где силы вздохнуть и прожить, если нужен ты,
От бездны фатальных кровавых историй
До детских псалмов о труде и о мужестве.

Февраль 1986

Господи, боже мой,
Сердце так музыки просит.
Снега улеглись. Леса
Спят в лиловом уборе.
Дорога в снегу уходит за горизонт,
Где садится нежное солнце.
Поля.
Скажи, мой боже,
Сколько осталось любви
На кончиках пальцев твоих.
Снег нескончаемый в поле.
Белого снега тепло,
Пьяная музыка стужи.
Боже, радость моя,
Скоро окончится музыка.
Рядом присядь. В этой книге
Ведьма Бастинда, цветы хризантемы,
Белый струящийся снег.

.....
Спасибо за древние, грозные звезды,
За тайну их бега в землях всевышних.
Спасибо за райскую поступь природы,
За чистого неба пространство над крышей.
.....
Войди в мою дверь.

Лета разлита, как воздух.

Февраль 1987

ОТЕЦ

Стучи же, пустота, как пулемет в виски,
Вот раскрутись с горы и стань добычей вьюги,
И пеной захлебнись, и оживи с тоски,
Что падают снега на сто веков в округе.

Приходит пустота под хрип трамвайных рельс
И скрежет челюстей, и все пошло не в лад.
На сто веков вперед морозы в январе,
А я еще живой, как сотни лет назад.

О, только не молчи, разбуженная дробь,
Мой деревянный страх, ты без оркестра воешь,
Несет людей река в мою могилу гроб,
И красит немота мне губы синевою.

К оранжевой луне взлетел собачий лай
И замер, возвратясь, в петле лесных болот.
Но не было луны, которая взошла
Над черною избой. А ночь все льет и льет,

И угольную пыль пьет выставшая топь.
Идет людей река, и о любви - ни слова!
О, только не молчи. Немых стихов листок
Мне, как дрова в печи, растапливает злоба.

25.1.1987

КЕНАР ЮРЫ ШЕЙНОВА

А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся...

Над спицею клетки - парение скрипки,
Над клеткою птицы - каноны Вивальди.
Домашнее солнце надеждою зыбкой
При наших, Светланка, печальных свиданьях.

И чудилось снова, что не было слуха,
И скрипки не пели под утро, и пусто
Вся рать неземная назойливо в ухо
Дышала-шептала: "Проснись в Фамагусте".

Над клеткою птицы - каноны Вивальди,
Над клеткой столицы - тени, как флаги.
Как раньше казались живыми асфальты,
Как в детстве казались живыми собаки.

Но время, как звук, в темноте растворится,
А утром, как стражи, ухватятся страхи.

Не сетуй, с тобой ничего не случится.
Метафора птицы, гипербола птицы.

Солнце, белесое солнце осеннее,
Плесни мне в глаза канареечным цветом.
Комочек живого еще оперенья,
Дыханье еще не убитого лета.

К утру примечается воля чужая.
Гони же по небу свою колесницу!
Простимся, ведь радостей сердце не знает,
Простимся, моя суматошная птица.

Легка и просторна, насест - опереться,
Грудная тюрьма дистрофичного сердца,
Что плачет от страшного, зряшного бега,
Что выпало блага на взмах оперенья.

Ты слышишь, в погоню за речкой асфальта,
Сейчас замолчит двухголосая птица.
Оставьте мне бег до начала заката,
Туда, где вечернее солнце садится.

Вприпрыжку колеса - мелькание спиц,
И вечный покой, что столетье нам снится.
От старой Перми пожелтевших страниц
К обрыву скользит сумасшедшая птица.

Москва-Пермь, 1987

БАЛЛАДА О НЕИЗВЕСТНОМ ПОКОЛЕНИИ

*"Заметает метель-завируха..." В виду неблагоприятных погодных условий
аэропорта "Савино" наш самолет совершает посадку в
аэропорте "Кольцово"..."*

Если б знать, что с тобою случится.
Пусть гадают: "Еще не пора",
От атаки уже не укрыться,
Эта музыка, эта игра.

.....

Вот в Кольцово заходит пехота,
То пространство сорвалось с петель -
Сумасшедший напев самолета,
И следы заметает метель.

Так бывает в лихую погоду,
В котлован, в беспримерный провал,
Он ошибся во времени года
И не то измеренье избрал,

Где за гранью горячего слуха
Будто "любишь", а может быть, лишь
Заметает метель-завируха
В подворотнях свердловских домищ.

Если б знала уральская Троя,
Что не только чужого не трожь:
Кто пристрелян, тот больше не воин,
И пророчица ведает ложь.

Темноту над путями взрывая
От Мур`манска, как крик в пустоту,
Погибает страна молодая
Пеплом искр голубых на лету.

1989

Десять жизней прошло! Я от счастья кричу,
И прощенья прошу, что в дремучем бреду
В руки милую жизнь, а не злую мечту,
И любовь у каких-то богов хлопочу.

Что есть жизнь? Это пыль у дорог. Это мы.
Это злая, дурная надежда на жизнь.
Это скученный в точку пейзаж. Миражи,
Как у тех, что брели в лагерях Колымы.

Что есть жизнь? Это снег. Это выстывший храм,
И звериный, безудержный страх по утрам,
Это серые камни на серых камнях
И могильная серость в пустых небесах.

Я устал от пейзажей. По мертвым губам
Смех крылатого мужества не пробежит,
Если так обожгла меня выдумка-жизнь,
Будто воздух июньской реки по утрам.

Мне уже не увидеть сирень под дождем,
Хоть расскажет по-прежнему сказка Перми
Знаки желтых созвездий на небе ночном
И про то, как брели по путям Колымы.
Если б знал я, что мир так неправ и упрям,
Что ласкает лишь мертвого, а по утрам
Он, глумясь, населяет в твой труп миражи
И бескрылость, что стало родное чужим.

Что есть жизнь? Это желчный, влетающий смех,
Это пыль под копытами злого коня,
Это теплая грусть, это ржавая смерть,
Это желчное солнце в сухих зеленях.

Где ты ходишь в миру, ненаглядная смерть,
Может, злобу таишь, или ведаешь что,
И рыгаешь, как желчь, жизнерадостный смех
Раскаленным своим провалившимся ртом.

Мне колдун обещал, что уже не вздохнуть.
Я так ждал тебя, богу, как солнцу, молясь,
А сбылось - будто падал в колымскую грязь

И любил, будто ехал в чужую страну.

Что есть жизнь? Это свежего мужества прах,
Это горечь полыни на наших губах,
Это пьяный, веселый, зарвавшийся страх,
Это мелкий, усталый, затравленный страх,
Что у родины милой на птичьих правах.
Это бьющий. . .

Июнь-сентябрь 1988

Ленинград,
Я не помню волшебную сказку твою.
Я лечу белокрылою чайкой в Неву.
Здесь асфальты текут
И немецкие дома стоят,
Между них поезда, как фрегаты, уходят в Москву.

Посмотри, над вокзальной площадью стяги плывут!
Их колеблет дыханье идущей на смену зимы.
Их органные трубы поездам отходную поют
Среди белого дня и бездомной людской кутерьмы.

Март 1989

Где целует ветер серый камень
(Будто выбрал место для любви),
Там течет малиновая Кама
В сумасшедшем запахе листвы,

И по злему утреннему следу,
Где застыли пепельные львы,
Все ясней, что понял Кастанеда
В повороте женской головы.

На полшага пепла сигареты,
Будто реют в реку снегири.
И впадает пепельная Лета
В полуправду утренней зари.

2.4.1989

Мой друг Гоген, твои полжизни - краше!
Как давят горло линии твои.
Не уходи. Смотри! - в лиловой каше
Текут по кругу желтые ручьи.

Не уходи. Стучит строка в забое,
Мои молитвы - с бритвою в руке.
Не уходи. Оставь меня в покое,
Отдай свободу смерти налегке.

И, поседев от курева и мата,
Твои одежды меряю сквозь стыд.
Я не могу тебя - любовью брата,
А если только верится навзрыд.

Мой господин, как кратко время слуха,
Когда ему так радовался ты.
Возьми мое отрезанное ухо,
Глухую щедрость местной нищеты.

21.10.1989

Мне валторны вокзала уже не споют отходную.
Ленинград - это миф, и в Москве не отыщешь родни.
Перед новым пожаром Москва, будто табор, ликует,
И дорог магистральных дрожат приводные ремни.

Пронесут поезда перед окнами грязной Казани,
Пролетят корабли в город серых развалин - Челны.
Деревенская Пермь, и рабочий Свердловск, и Челябинск,
И огонь голубой запредельной чужой стороны.

Не молись, идиот, как погонят тебя отовсюду,
Полминуты на взлет, и уже не достанут они,
Заколдованный мир и тайги невменяемой гряда,
И богатой страны в темноте голубые огни.

И звериной тайги под ребром золотые огни.

3.11.1989

ПИСЬМО

Нет, Сережа, я не сожалею.
Наше зло не вызовет тревогу,
Если под сияньем Козерога
Я от перепоя околею.

Не ругай драчливую веселость,
Разве можно жизнь цедить по капле.
Разве можно слышать этот голос
Голубого лысого сатрапа.

Мы с тобой не те или не эти,
Нас голубят Шилка или Нерчинск,
Мы с тобой - Сухановские плети,
Мы легли защитниками Керчи.

Что любовь? Люта и твердолоба,
Конкурентно-рыночного типа.
Объясни, пожалуйста, попробуй,
Этой, прости господи, Ксантиппе.

Что же дети? Что ты им покажешь,
Как дерьмо добро переломало?
И они - не наши и не ваши.
И кому ума не доставало.

3.12.1989

Как опостылевший роман,
Себя выбрасывает город,
Где ждет колючая зима
В ночных больничных коридорах.

Я не могу ронять слова,
Когда проходит ночь, как воля,
По переулков рукавам,
По едкой, выветренной соли.

Колодой карт блестящий снег
Ветра, как мусор, вытряхают.
Твоя любовь не выпадает
И не является во сне.

Она уходит, как душа,
По злой, ветвящейся пороше,
Пока ветра бинтуют площадь,
Косноязычно ворожа.

И, наконец, вступает Бах
В пустое каменное тело,
Оно плывет осиротело
И тонет в хлынувших снегах.

Декабрь 1989

РОДИНА

Я устал говорить, что тебя не люблю.
Я, как Сергей, кадык топором разрублю,
Чтоб остались следы боевые.
Вы - глухие. По-русски - глухие.

Что доселе стоит между вами и мной,
Вы - не я, вы - в столице болван золотой,
Где наука - что лавка с посудой.
Где утрачены поиски чуда.

Вот и время уже измеряли в сердцах,
Колокольное чудо звучало в часах,
Ну, а вам эта радость - помехи.
Как в двадцатых крамольные "Вехи".

И осталось надолго с крамольной душой

Колокольное эхо у вас за спиной,
Чтобы вы навсегда не забыли,
Как озлоблены лошади в мыле.

23.1.1990

СВЕРДЛОВСК

Он проиграл, и снег его лежит
В том самом парке ночью на скамейке,
Куда листва осенняя спешит,
И девочка протягивает деньги.

Уже не встать, и слишком опоздал,
Его художеств больше нет в помине.
Ты веришь ли, как холоден металл
У тех скульптур на городской плотине.

Ноябрь 1990

Я всем солгу, как ты меня учила,
Твоим святым и матери своей.
Зима как тать, она заходит с тыла
И убивает белых голубей.

.....

Но жизнь меня на колдовстве растила
И пьяных красок вареве земном,
И мне пророчил воздух за окном
Шумящей кровью крон зеленокрылых.

Пермь, декабрь 1990

Это после татаро-монгольского ига -
Ни любви, ни жены, ни судьбы.
Почему-то живу, не дотла прогоревшая книга
Или птица в пике из библейских морей голубых.

Я еще наляжусь на щемящую женщину-осень,
Изумрудную гибель в краю облетелости бедной,
Возвращенье грачей и бессмыслицу "Граждан" Родена,
Я еще напишу про постылой Елабуги осень.

Как тепло замерзать! Мне не нужно на Северный полюс,
В тридевятое царство, где можно во что-то поверить.
"Все приходит трудом." Нет ни крови, ни правды, ни меры,
Одинаково все. И дремота избавит от боли.

Список личных потерь завершается именем Стенли,

Мне не нужно на полюс, и только откуда-то с неба
Ваша музыка все еще радует сердце,
Будто память о счастье, которого не было.

Одинаково все, все предметы, и люди, и книги,
Все стихи, и живые еще, и гробы.
Это после татаро-монгольского ига,
Ни жены, ни любви, ни судьбы.

Дайте нищему сны, а болвану наживы,
Если руки за спину, и вечер уже на подходе.
Вы скажите спасибо еще, что мы - живы.
Что мы больше других ненавидим, когда напрягают поводья.
Декабрь 1990 - июнь 1991

Нас накажет создатель, что все
Мы молились о синих колодцах,
Пели песни по-волчьи, вглухую,
А любили кого попадетсЯ.

Он под ручку проходит не с нами,
Сторонится, как ливни косые,
Что мечтали о бабе красивой,
Да работали злыми руками.

25.11.1991

Мы роем окопы. Мучительно время окопов.
За нами - ни плача совы, ни икон, ни скандала.
Речная граница уходит на юг от Европы,
А в мелких протоках подмоге не видно причала.

Кому наши жизни, их крепость обходит пехота.
Гвоздики сгорают полеглим под стенами Бреста,
Но хуже войны разгулялась в тайге непогода,
Помои дождя заливая в окопы отвесно.

А мы, кто рожден во второй половине апреля,
Чей траурный разум уральским дождем искалечен,
Смеемся над богом, что правит огонь мимо цели.
Что стоят природа и чувства твои человечьи.

Август-декабрь 1991

СВЕТЛАНЕ КОВАЛЕВСКОЙ

Всё, что было, при народе
Сказывать не стану –
Я летал не вертолете
И любил Светлану.

И вставали взгляду скоро
С выси голубиной
Златы реки, красны горы
Синие долины.

Мир открыл тугие двери
Непонятной силе,
Все цветы и даже звери
С нами говорили.

Шли в рассветных сонных веждах
Пажити с полями,
А еще страна надежды
Брезжила под нами.

Нагота ее небрежна –
Мне на сердце рана,
Мы вели друг друга нежно
Этой ночью странной.

Ах, как мало дней-жемчужин,
Разве час застолья,
Просто Свету вместе с мужем
Видеть было больно.

Мне ли ножки щегольнули -
Даже муж заметил.
Ах, какие были туфли
В Новый год у Светы.

Света – таинство обета,
Имя колдовское.
Днем душа моя согрета
Песенкой ночью.

3.1.1992

Бытовка, темнота, в помаде проводницы,
Они теплы и ждут, как обморока, дня.
По нервам бьет состав, и снег по полю длится:
“Вы любите меня, вы любите меня...”

Придет гулящий день, как солнышком посветит,
И выплеснет любовь - на праздник маеты.
От копоты грубы, вы, как родные дети,
Перед лицом зимы болезненно чисты.

Когда придет любовь и крылья распластает,
Как шприц настигнет кровь по выгибу руки -
Как будто завтра смерть, цветы на грудь роняя
В парадный снег одежд, навывкате зрочки.

Я знаю, все не так, не копоть душу съела,

Не вырваться с колен - да то не нужно вам,
А богом прощены, и нету вам предела,
И дьяволово зло течет по сусалам.

От ласки до вранья давно язык намылен,
И каждому сучку на передок слабы.
Как хорошо, что вас до нашей встречи били,
И будут бить еще потомки голытьбы.

Скорей клади ладонь на жаркие колени,
Пока еще сума, недолго до тюрьмы.
А поезд, как пацан, разбрасывает время
В огромную Сибирь, подальше от Перми.

Январь 1992

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Ритм больной, перевернутый
Беспомощною рукой.
Рай, навсегда отнятый,
Как матери молоко.

Меты его небесные
Переступи - и страх.
Ведала ли, как тесно
Будет в твоих руках.

Фальшью потери меряли,
Книги несли в костер.
Ты воскресила - первая! -
Косноязычный вздор.

Мерой твоих старателей -
Разве Москва одна? -
Чтобы провинция спятила
От вынутого со дна,

Впалые мысли вогнаны
В косноязычный бред
В зеркале перевернутых
Тоннах твоих газет.

Свердловск, 1992

АВГУСТ

Отзвучали дожди, как горнисты армейских отрядов,
В орудийных салютах, ночной разорвавших экран,
Но по крику трубы из окопа встают в ураган
Бесконечные жизни во времени полураспада.

.....
И металл устает, и, как сон, распадается радий,

Если смерть - это смерть, а не что-то позорней еще.
Но настигнет любовь по регистрам стигийского лада
И дыханьем Самары целует в развалины щек.

Наконец, опадает петля ядовитого солнца,
Все яснее вокруг, и оставил предсмертный звонок
На о скалах тетрадей кресты теоремы Гельмгольца.
И учебная осень свое растворила окно.

1992

Как будто божий суд
И чья-нибудь беда,
Меня к себе вернут
Скупые холода,

И залежи утрат -
Угрюмая тайга,
И синяя тетрадь -
Российские снега.

А здесь в тепле листвы
Валяется каштан,
И, как всегда, правы
Счастливые места.

Октябрь 1992

Вставай, к тебе стучит безумная Елена,
Часы уже спешат, и пять минут прошли.
Мы баловни судьбы, нам правда по колено,
Мы все мечты сожгли, мы все кресты сожгли.

На серых простынях не замолишь позора.
Как бестолкова смерть. Вставай, неровен час!
В твою стучатся дверь лихие прокуроры,
Ты больше не уснешь. Ступай, в квартире грязь.

Мы шли по городам, дождя сдвигались стены,
А может быть, пурги. Шли нищие вокруг
Толпы, а впереди безумная Елена
Указывала путь на Екатеринбург.

Устроена душа, как ветви у деревьев

Устроена судьба, как души у деревьев,
Крадется черный дождь в кривые пятерни,
Не разглядишь глаза, нас много, мы - отребье.
Ты плачешь по утрам. Оставь. В крутые дни

Голубушка пурга нас дочиста раздела.
Кто золото возьмет и свой укроет прах,
Жди гостя! Завтра смерть, и нету нам предела,

Мы заняли рейхстаг на верхних этажах.

На верхних этажах злодейки-вьюги белой

.....

1993

Это было,
Если ты поймешь меня,
В воскресенье,
Где белькантовые Канны,
Возле школы,
В тополиных зеленях
Наши Альпы. Ты не помнишь, донна Анна.

Ну, послушай,
Осень бросила иглу,
Где шагали
Разноцветные Шагалы.
Без тебя мне
И Париж такая глушь,
Отчего же ты писать мне перестала.

На прогулке
В переулках Плас Пигаль,
В Пантеоне,
На кораблике Монмартра
Улыбались
Похороненным богам,
И штыками шевелили динозавры.

Это было
По дороге в Летний сад,
Где звучали,
Как дожди, сонаты Гайдна.
Рассекала
Алой бритвою гроза
На две части каннибалловые Канны.

Но по правде,
Если нам взглянуть назад,
Даже тени
Не увидишь донны Анны...
Это было
В воскресенье, а гроза
Рассекала белокаменные Канны.

1993

В этот год - ни разума, ни гнева,
Будто на обочине сорняк,
И глазами Снежной королевы
Смотрит день куда-то сквозь меня.

И когда пришла пора упиться
От такой неслыханной тоски,
Вышел Бог в ежовых рукавицах
И смешал людские языки.

Январь 1994

АННЕ

Где журчанье апреля, где пир без конца,
Где ты, нимфа в одеждах античных,
Что, увидев едва, краску гнал от лица,
Будто вор, залетевший с поличным.

Что во мне наотрез напугало
Нереиду с фригидною душою.
Бледный воин с открытым забралом,
С ним ни злата, ни звезд, ни запоя.

Не кляню как скопцы, я тобой восхищен,
В этом вихре, костре, в этом взмахе,
Бесшабашно шальной, как свистящей пращей,
Как малявинской девкой в рубахе.

Записался мальчишкой Астарте в рабы,
Разменял гром Олимпа на ропот борьбы,
Поломал себе жизнь, как взбешенный луддит.
Я признался в любви. А теперь уходи.

4.4.1994

Так нельзя, не до песен - кругом Бухенвальд.
На пороге зима. Уходи! Это фрицы прорвались к Орлу.
Безобразна любовь. На три буквы разбились слова.
И в атаку на хлеб мародеры бегут по столу.

Схорониться во снах в это время, что хуже войны,
Сны добрее, чем жизнь, там не страшно на вшивой траве,
Пусть торгует Москва, на работу спешат паханы,
И не страшен причесок мадонн маргариновый цвет.

Жирный цвет маргарина не грех по живому мазнуть,
Скоро снова стрельба, скоро лягут в траншеи снега.
Я кричу в телефон: "Мне под Курском прострелена грудь!
Кто еще не вернулся, где Намик, Алеша, Ваган..."

22.8.1994

Который день во рту не утихает горечь.
Ты что-то позабыл, и слово не вернуть,
Что вырвалось из уст ревнивицы Деборы,
Когда она вела бездомных на войну.

Не нужно вспоминать, что хорошо, что плохо.
Как медленно идут в России поезда.
Картошка с коноплей, удержанного вдоха
Поочередный звук и стопочка у рта.

Я здесь остановлю попутную машину
И воздуха вдохну от раннего утра,
Здесь ноют работяг натруженные спины,
И вволю хороша умелая пора.

Краснеет быстро свет, и Вейнингера бремя,
Я так хочу туда, где в рамы светит рай,
Где белый карлик бел и медленное время,
Когда еще летал на черных крыльях май.

Одна не родилась, а та, другая - где-то,
Посередине - горсть картошки с коноплей.
Безумная гора шагает к Магомету,
А он повернут к ней по-прежнему спиной.

О, только не туда, на карточных гаданьях
Не выстроить дворца, и в гору пройден путь.
Покуда без тебя крутится мирозданье,
Не высказаться вновь и слова не вернуть.

Краснодар-Москва, февраль 1995

БАЛЛАДА О ПОЕЗДЕ

Положи чибон
В пачку сигарет,
Ты садись в поезд,
Черный драндулет,
В путях разбитых
Хлюпает смола,
Площадей корыта
Дрожат в зеркалах.

Он еще немного,
Как будто прирос,
Проползет дорогу -
Говорящий мост,
Рубежи пролетов,
И простым-проста,
Застучит работа
В его хомутах.

На изгибах роц
Журавлиный след,
Мчится скорый поезд,

Черный драндулет,
Навуходonosор лысый
Лежать отказал,
Свищет поезд рысью
На Финляндский вокзал.

Горький запах стали
Горящих рельс,
Позади отстали
Рощи в сентябре,
Говорить не можешь,
Как будто беда,
Города похожи,
Да порода пуста.

Если день потрачен -
Какой сюрприз,
Для тебя назначен
Оправданья риск,
Больничных стекол
Перебитый градом квадрат,
В облаках под током
Бубновый Кронштадт.

Июнь 1996

НОВОСТРОЙКИ

Как объяснения в любви,
Идут дожди в народ.
Грязнее смеха тротуар
И недолет
Шрапнели брызг. Но впереди
Теплеет тушь.
Глазами неба погляди
На эту глушь.

Как не любить земного зла -
Ведь ночь в полях.
Склоняют шумно купола
К ней тополя.
В высотных каменных мирах
Без перемен
Гуляют юные ветра
Из деревень.

Июнь 1996

МАМА

*Настраиивать свой слух на звон колоколов
И тратить мощь свою на подвиг
прозябанья...*

Сколько было закрытых дверей и ключей, чтобы их открывать.
Возвращаться туда, через мост, и, чуть вверх по реке,
У избы над болотом беззвучно стоят деревья.
Нужно будет погладить, как сына по левой щеке.

В этот миг дерева, как живые, тебя назовут,
Млечный сумрак полуночи тайную шепчет награду,
И жаровень Луны залит пламенем, как Голливуд,
Как пустыня Сахара, как прошлое, как Эльдorado.

Она:
Поклонись до земли, кто дал право судить,
А не видеть и ждать, как терпели святые.
Нет случайного в мире, не плачь и наверх погляди -
То пылает во всем бесконечная мудрость - София.

Он:
Понимаешь, дружок, нет глупее метаний,
Чем цареву порфиру менять на святую порфиру.
Лучше в Химках да в Курске пощелкать зубами,
Чем молиться каким-то самым равным кумирам.

Слышишь шум? Ниже Кельна, правее, чем Рим,
Обнаженная речь у посмертно прославленной печи.
Что ты знаешь о жизни огня? Посмотри,
Как горят на востоке мои августовские смерчи.

Переломан и нищ, черной злобы сожитель,
Серым пеплом покрыты летящие в стороны космы,
А тебе лишь колодезным светом светить
В декорациях готик, на улице Шерлока Холмса.

.....
От лисы и от волка веселая скачет квадрига,
Разобиженный Вертер, Емеля-дурак на печи,
Засыпающий мальчик, Пиноккио, Тиль Уленшпигель,
Ухожу и в дверях навсегда забываю ключи.

.....
Одноглазый Манчестер проснулся и бьется в падучей,
Изрыгая, как змей с бодуна, тяжкий утренний грохот.
Спят Тагил и Челябинск, обиду да злобу баюча.
Он разбудит. Он сны собирает по крохам.

Август 1996

Англиканский, еврейский, испанский амвон,
Это серый пергамент, лицо Аргентины.
Назови - то лебяжий серебряный звон,
Это порванный ветром, ветрами, портрет Аргентины.
Поезд. Сбоку скошенный профиль стукача Агустина.

Пегий след океана, и катит вприпрыжку Ассоль,
Будто слез не катил перепуганный Вертер,
Как всегда, навсегда там оставлена боль,
Золотая печаль от рожденья до смерти.

Это западных стран нанесенные раны,
Это сердце плодит траектории мира,
Быстро движется судно, ныряют бакланы,
И кричат, и полощутся чайки на Тигре.

.....

Запах таверн с дымящимся мясом быков
И подарка судьбы - белорусского сала,
И бутылок вина корабельные блики,
Цвет запрятанных в моду итальянских кварталов
И полуденный блеск водянистых плодов ежевики.

Буэнос-Айрес, декабрь 1997

Что означает "Абердин"?
Звон колокольчика в прихожей,
Профессора с гусиной кожей,
С которым спорить не шути.

Что означает "Абердин"?
Куриль и думать по-английски
С самим собой, шотландский виски
Как цвет надежды впереди.

Что означает "Абердин"?
Звук колокольчика в стакане
С шотландским виски, что обманет
Надежда цвета ассорти.

Вились ползучие барханы
С холмов, с морей, со всех сторон.
Он был действительно туманным,
В лесистых склонах Альбион.

Что означает "Эдинбург",
В дождях готические скалы,
На них корректные нахалы
В костюмах чопорных вокруг.

Что означает "Ноттингем"?
Что все закончится случайно,
На миг возникну коллонтайно
В дверях в прихожую в Эдем.

1999

Нас ведут на штурмы
Думы да сума.
У России Дума,
Дума без ума.

Грабили нас хрены
Мятые с лица,
А теперь спортсмены

Грабят без конца.

Всяк смеется криво,
Весело и вкось –
Всей шпане на диво
Богато привелось.

Не найти ухвата
На задницу шпаны:
Ныне депутаты
И защищены.

А служба у опричны
Выдалась милей –
Героин приличный
Вместо лагерей.

Славно гибнет плесень
Постсоветских стран,
Бьет в глазницы, плещет
Кладбищ океан.

Заводские будни
Оборвала братва,
Хамы вместе с трутнями,
Кама да Нева.

Гибкие колена,
Заплывшие сердца –
Слуги Мельпомены
С одного яйца.

Чтоб глядеться чистыми
(Слышно там и тут),
Наши «коммунисты»
Прошное клянут.

Кабаны с мобилами,
Во фраках паханы
Да юные дебилы
Нынче цвет страны.

.....

Нас вели на штурмы
Рваные сердца.
В сумме ж только думы,
Думы без конца.

Хрустнет день белесый
Морозом в колесе,
Будто Пермь, как осень,
В спячке насовсем.

РУТ

Моцарт, пей, не тужи, смерть в союзе со славой

- Ты чего, ты чего напридумала, Рут,
Этот юноша в форме моряцкой...
Ты кого притащила, уж не разберу,
Что за прихоти в жизни кабацкой.

Не мечтай, не блуди, я его наказал.
Мальчик плакал и тыкал наганом,
Он штаны надевал, за любовь горевал,
Да я взял мудака чистоганом.

Не потаскана ты для меня, не свисти,
Веет негою свежей от плеч и груди,
И ножонки - свихнуться, ресницы...
Не истерлась твоя колесница.

А еще – не взыщи, что поделаешь тут,
Ведь дождешься, проказник протухнет,
Время зверя настало, любезная Рут,
Ползунков, распашонок и кухни...

...

Как не так! Только глазом успел отвернуть,
Ты моё настроенье украла,
Апельсин, что принес, отдала своему
Полковому флейтисту-нахалу.

...

Было дело, как вдруг к алкашу карачун,
Привалило к уродливой стерве.
Я шатался, я звездам кричал: «Не хочу!»
... Ведь стихи ей читал, не поверишь.

Я тогда был не в силах кусаться с бедой,
Ты меня как щенка приютила.
Что ты делаешь, Рут, не кобенься, постой.
Я хочу, чтобы счастье продлилось.

- Ты смешной, Ланселот. Платье нюхал и мял,
Замирал, повернись тебе в профиль...
Я всего-то на час пожалела тебя.
Твое счастье сбежало, как кофе.

...

Так бывает в ночи – ни рукой, ни щекой,
Вот устроила мне карамболи,
И душой никогда не коснется со мной.
Жуть досада корёжит до боли.

Возникал вдруг поблизости аэропорт,
В дом казенный летел от вокзала,
Ни жратвы, ни тепла, и вертелся как черт,
В ледяном декабре замерзая.

И плыла в Новый год ледяная Земля
Под моей деревянной рожей,
И смеялись твои дорогие друзья,

Как я валенки ставил в прихожей

Вновь под утро искать роковые очки,
Из ведра собираю с флейтистом бычки

...

Тьфу ты, бред! Поскорей от угара,
Отойти от ночного кошмара

2008

Телефонная коробочка легка,
Будто дуло пистолета у виска,
Если спросишь, мол, зачем семнадцать бед,
Не получишь ни полвыдоха в ответ.

Мерно дымная карета, трам-ля-лям,
Едет в «Звездный» по заснеженным полям.
Но и в «Звездном», но и даже, но и там
Только вздохи, только шорох по кустам.

Вот беда-беда-беда-беда-беда-беда
Наклонилась, навалилась навсегда.
Ни дождя, ни запах в радость, волчий вой,
Раздается над обиженной страной.

И зачем тебе чумной газетный бред,
Будто хочешь заморочить целый свет;
И ни света, и ни крыльев на спине,
Волчи стаи разбежались по стране.

Побежать легко-легко-легко-легко,
Чтоб ни волки и ни водка, ни пивко,
Мы из сердца ваши льдинки трам-ля-лям,
Да и жить еще не щучий хвостик нам.

29.3.2011

ИЕЗУИТ

Ты не верь в оптический каприз:
В зеркалах несчастье отражалось,
Не с колен Россия подымалась,
А душа проваливалась вниз.

Пятым валом с носа на корму
Растеклось, спеклось, слежалось в горле,
И гнилым в глазах мерцало горе,
Потому что все по одному.

С телевизионною обузой
Впали в разжижение умы,
А герои праздновали труса,

Видно, так боялись Колымы.

Их теперь уж не колесовали,
Не вели на дыбу никого,
Не ссылали, только даже Сталин
Жизнь страшнее выдумать не мог.

Без конца шло горе, без начала,
Хоть уедь подальше, хоть вернись:
По утрам не солнышко вставало,
А Земля проваливалась вниз.

И, качаясь, медленно летела
Цирковым сияющим мячом
В темноту, и в сумерках потом
Будто бы покоилося тело.

И не слышно было, как кого-то,
Кто сбежать доселе не сумел,
Забрала крестьянская охота
В темноте шевелящихся тел.

Как чума во мраке карнавала,
Не было парламента смешней,
Не было правителей глупее,
И движенья будто не осталось.
Но не верь покою, Галилей!

Ты подумал: ежели всё бросить,
И в страну обратно ни ногой?
Погоди - везде наступит осень
Перед черной ядерной зимой.

Млечный Путь в спирали Архимеда
Не успеет выхода найти:
Налетит туманность Андромеды -
И не станет Млечного пути.

Июнь 2011

По грунтовому долу
По ковру бурой масти
Шли деревья бесстрастно
Войсковым частоколом

Шли деревья, как сваи,
Что дожди обглодали,
Грузовик, завывая,
Гнал в осенние дали.

На ухабах, угорах,
Там, где грязь по колено,
Рвала бронхи мотора
Серо-бурая пена.

Грезы шли наугад,

Невпопад и вразброд,
За два века назад
И за тысячи верст.

....

До Британии строим
Погоня шагала,
За его пятернею,
За ее легкой шалью.

Дети гибли, хворали,
Будто мусор о стенку.
Ее звали Вестфален.
Наверное, немка.

...

По грунтовой дороге
Ветра, как хоралы,
Было время, в итоге
Ничего не осталось

Он доедет! он вновь
У ворот плейстоцена
Поменять на вино
Коленвал за бесценнок,

Да арийскую плоть
В подворотне отведать,
Ископаем, как гвоздь,
Как тот череп иль нежить.

От арийцев двурогих,
От безвыходной швали
По грунтовой дороге
Пространства орали,

Они были быстрее,
Чем визги мотора,
И быстрее, и круче,
Чем пропасть и горы,
Они были, как сырость
Осеннего леса.
Они были как эхо
Орудийного гула.

И когда вдруг проя'снит,
Будто знамя в Берлине,
Визг мотора - он стынет
В мозгах и поныне

Пермь, 16.10.2011

МОТОВИЛИХА

Вечером беззвездным
На людях темно,
Черные вороны,
Рабочее сукно.

Серый хлеб несладкий,
Пойло в три глотка,
На седьмом десятке
Смена нелегка.

Мутный свет наград
Да тяжелый мат.

- Стоп, покурим, братка,
Вон из кабака.

- Волей злой Гингемы
В Адене война,
Как вернулись все мы -
Знает смерть одна.
Пойло после смены.
Стойка у окна.

- От моих мозолей
В девятнадцать стран
Инвалютной молью
Тянется аркан

Плазменная мана
Прах стирает в прах
Кровь детей Ирана
На моих руках.

- Говоришь, они
Средство от войны.

Смерчи. Ураганы.
Небо в «Тополях».

Дальше вниз по склону,
Ворот подыми,
Это лог Суконный
На хребте Перми.

Будто скальпель, воздух
Бьет за воротник.
Прочь, не шастай поздно,
Берегись, старик!

Новый люд кругом.
С подлым кулаком.

Мир устроен грозно.
Разве не привык.

В ночи ждет Ксантиппа,
Старая жена,
Утро трудным хрипом
Вырвет ото сна,

От струи аргонной

Вечный шум в ушах
Шаблоны да микроны
Что сталь сжигают в прах.

Дома ждет сосед,
Уголовных лет

Нету обороны
При твоих годах.

...

Вот другие виды,
Лиловый монокром,
Это дом Бастинды,
Сумасшедших дом.

Бледный день над логом,
Черный лёт ворон,
Холодом надолго
Город окружен.

Полегли в тумане
Дымы и дома.
В стане за экраном
Горе от ума.

В стане бред газет.
В стане смысла нет.

Сколько в этом стане
Всякого дерьма.

В рамке монитора
Сразу не видна
К логу шагом скорым
Движется война

В ряд свиные рыла
Держат микрофон
Город, как могила,
Грязью окружен.

Будто полынья
Рвотного зелья

Черный лёт ворон.
Боже, дай мне силы.

Январь - февраль 2013

Нас стойчески – хоть в огонь.
Нас критически – только тронь.
Нас космически! – не проймешь.
Нас магически – не сотрешь.

Мы логически – большинство.

Мы практически – колдовство.
Мы трагически – торжество.
Асимптотически - мастерство.

Мы хоть издали – лепота.
Только в празднество – пустота

Танец близится
Кабаре под стать
Отчужденных лиц
Не поцеловать

Не нужны кому одолень-слова
А нужна кому околей-трава

Холод стелется по утрам в постель
Темень серая заключила в плен
Шум ведический от тяжелых снов
Мы готически - из других веков

2014

Бог Атон бородатый, тебя совратила нубийка,
Семя лотоса держит в юных смелых ручонках,
Бес в ребро, ты поверил, что это навечно,
Вот и утро - и нет никого в Междуречье.

...

Девы на день, как снег в середине апреля,
Свечи, праздник, вино, поцелуи в подъезде,
Изумруды в ночи, да не ведать им всуе,
Он повенчан измлада с другой в поднебесье.

...

Дар небес не без дна, и Термутис, кретинка,
Начинает чудить, вот твоя Нефертити
Исчезает с другим в день затмения солнца
И приходит во снах - знать, Атон, ты не умер.

Что же вместо нее. Стыд. Ключица косая,
Кости, баба дурная, верблюжья колючка,
И последним гвоздем, черт - уродина Киа?..
Нет, еще! Совершенный бесчувственный мрамор.

Что же дальше. Ты знаешь, но все мастерские,
И некрополь, и храмы завертит в пустыне,
Будет время, что хуже войны, и на сдачу
Равнодушный народ вновь потянется в Мемфис.

...

Остаются – коньяк, паспорта, кабинеты,
Тюильри, синий плащ, под мальчишку прическа,
Так надеюсь, не бросишь меня, парижанка,
Посмотри – след метели в окне появился

...

Мастерская, папирус... пора. Буки грянули, бряцают сестры.
Может, где-то, Осирис, тебя ожидает Изиды

2015

Птиц нарисуют нам с тобой
Анималисты,
Взлет перелетных над Невой
В небе охристом,

Крыши, покрашенные свинцом,
Умброю - пристань,
Площадь, увенчанная дворцом,
Строго, как выстрел.

Стражей державною храним
Семь поколений,
Страны, как версты, перед ним -
Бегом оленей.

Бьют о гранит береговой
Серые волны,
Но не догонят нас с тобой
Серые волки.

Ветры балтийские в пути
Пеною брызнут,
В синь горизонта погляди
Без укоризны.

На петроградской стороне
В качке причала
Эта мелодия во мне
Так прозвучала

2016

ТЫ

*Давно ли это было. Ты забыла.
Твое лицо над миром восходило,
Как всходит солнце, обещая день.
А я как зачарованный глядел*

Я ушел от тебя к золотистому лету,
Ты ушла от меня в петербургскую осень.
Как торосы, из банки торчат папиросы.
А в сети океан сумасшедшего бреда.

***

Ты прости. Жизни не было, кроме тебя.
Что случилось вокруг - давят сто атмосфер.
И пишу без тебя, и пою, не трубя,
Почему – знает только смешной Люцифер.

Сорок бед, и всегда и со всеми один,
И хмельное питьё, и дурное нитьё,
Ждать волшебную лампу в подарок... её
Ни за что никому не отдаст Аладдин.

Лишь во снах нам встречаться с тобой привелось.
В пять часов из груди подымается стон.
Не сбылось целовать, ни коснуться волос,
Если б был чей-то бог – так спросил бы, за что.

***

Расскажи, как вериги сородичам снять.
Как с бедой совладать, если люди – кретины.
Петербургская осень, ты слышишь меня?
Где ты, Неле, где зелье блаженной Катлины.

Всё, что движет рукою – священная месть,
Что под сердцем лелеет ученый-расстрига.
Позови меня, Неле, дай знать, что ты есть.

Первый день сентября. Вечно твой,
Уленшпигель

1.9.2016

КОСТЕ БЕРЕЗОВСКОМУ

Сначала звуки опустели,
Их не было в сырой метели,
И снег в окно, и ветер с крыши,
Их рваный шепот не услышишь.

Потом смешалась жизнь в грядущем,
Злой мир, повсюду достающий,
Во все концы, как от потравы,
Порожняком неслись составы.
...

Бордели в кособокой спальне,
Пиры в гостинице Центральной,
Всё было буднями как будто,
Как перевалочные пункты.

Обиды, беды и причуды
Слились в единую посуду,
Растерянность последней ссоры
Ушла со смертью режиссера

Ноябрь 2016

Немая и трусливая,

Бездумная, полживая,
Грибам и травам родственна,
Так начиналась родина.
Такими сроду были мы.
Так детства дни - постылыми.

...

Восторженна и влюбчива,
Натружена, закручена,
Отгорженная, страстная,
Бессмысленная, разная.

Глухая, равнодушная,
Во времени растрочена,
Натужная-ненужная,
Шла молодость незрячая.

...

Отважная и страшная,
Безденежная, бражная,
Биндюжная, простужная,
Ветрам и грозам дружная.

...

Озлобленная, квелая,
Ко всем оторопелая.
Грязь за письмом стократая.
Жизнь за стеклом проклятая.

...

Вот только *вам* – не жалеюсь!
Еще повырвем жало им

11.9.2017

Пройдет глухое время
В тисках аэродрома,
Накатится на темя
Рутинна снежным комом,

Ученый мир в пробирке,
Чьи мысли под копирку,
А новость сдвинет в пропасть
Коллеги острый локоть.

Просроченным товаром
На Каме да Неве
Адепты семинара
С дырою в голове.

9.10.2017

То не эпоха - непогода,
В народе - ни огня, ни брода,
В миру – от глаз до промежутка -
Красивы только проститутки.

Бежать, отдаться снам нелепым,
Чредою хлынут миражи,
Там континенты, где я не был,
И жизнь, которую не жил.

На час сказаться в детском детстве,
Когда одна еще жива,
Нет эпитафии нерусской,
Как локоть, вывернут до хруста,
Другая в черном королевстве
Не учит мертвые слова,
А третья в сказочной избушке
От счастья машет погремушкой

1.2.2018

Самолетик на комодке,
Из пластмассы голубой,
Легкокрылый самолетик,
Ты возьми меня с собой

5.3.2018

Высыпала яблоня,
Яблоня красива,
Тленный след оставила
В океане сливовом.

Комканями простынями
Веют над бушпритом
Облака бессонные,
Воздухом изрытые.

И секундой плачущей,
И в тонах влюбленных
Всё на свете значащий
Очерк отдаленный.

Полнотою вешнею
Походя задела
Слепота кромешная
В пене платья белого.

Не чуди за яблоней,
Как чудил однажды,
Снаряди из ялика
Свой корабль бумажный,

Разлетись под парусом
От Вероны скучной
Боевыми галсами
В мир, войною скрученный.

В морю Везувия,
Будто старший Плиний,
Твой фрегат безудержный
На миру не сгинет

Июнь 2018

КУКЛИНОЙ

Весть летит светопыльной обновой...

Мальчик-с-пальчик срывает покровы,
Но твердят, как зазубренный корень,
Под знаменами прошлой истории,
Над роскошным столом Казановы

Ни лавин, ни болотной шишиги
Не услышит заразная плева,
Ни тебя, Орлеанская дева,
Ни тебя, продувной Уленшпигель.

На секунду пространство накренив,
Не точны, не слышны и легки,
В небеса, будто птицы из плена,
Из души вылетают стихи

Это смысл, как алмаз, безупречен,
Прошлогодний не проданный снег:
У собаки глаза человечьи,
Потому что она человек.

Век собачий, сутулый и раненый,
Сыплет пот от ремней со спины.
У волков - фурнитуры кабаньи,
Потому что они кабаны.

Улюлюкает, хрюкает прорва,
Распинает и гонит взашей,
А у этих, младых, безголовых
Не отыщешь ни глаз, ни ушей.

Нам с тобою ни века, ни крова,
И бежать от грозы не с руки.
Мы с тобою не волки по крови
И давно перешли за флажки.

Артефакты в шкафу антиквара,
Уцелевшие в глине отлива,
И в родимом ядре антикварки
За семнадцать мгновений до взрыва

25.8.2018